

СМЕНОВЕХОВСКИЙ ЛИДЕР

Вячеслав Константинович РОМАНОВСКИЙ,
кандидат исторических наук, доцент Нижегородского института
развития образования.

В отечественной историографии имя политика и мыслителя пореволюционной эпохи Николая Васильевича Устрялова занимает довольно скромное место. Более полувека отсутствовал свободный доступ к его научному и публицистическому наследию. В советских исследованиях, посвященных классово-борьбе и идейно-политическому противостоянию в годы нэпа, он упоминается главным образом как один из ведущих деятелей сменовеховского движения, который надеялся на «буржуазное перерождение» советского общества и реставрацию старых порядков¹. Скупые биографические сведения о нем, содержащиеся в советских энциклопедических и иных изданиях², естественно, не могут дать целостного представления об яркой и противоречивой личности.

Одним из первых серьезное внимание на Устрялова обратил профессор М. Агурский, в прошлом советский диссидент, эмигрировавший в 70-е годы из СССР. В 1980 г. в Париже вышла его книга о советском национал-большевизме, в становлении которого, по мнению автора, большую роль сыграл Н.В. Устрялов³.

В нашей стране интерес к Н.В. Устрялову заметно прибавился за последнее десятилетие. В исследованиях А.В. Квакина (о дифференциации российской интеллигенции в годы нэпа), С.Н. Цакунова (о возникновении национал-большевизма), переводных работах Т. Кондратьевой и Т. Крауса (о русском термидоре) освещаются некоторые эпизоды политической деятельности Н.В. Устрялова⁴. Появились работы, посвященные его биографии⁵, впервые опубликованы дневники и письма разных лет жизни, протокол его допроса от 14 июля 1937 г.⁶ Возрастает внимание исследователей к научному и публицистическому наследию Устрялова; уже опубликован ряд его работ⁷, дважды переиздан сборник «Смена вех»⁸, в котором он принимал участие. Все это является лишь началом той большой и чрезвычайно необходимой работы, которая позволит восстановить незаслуженно забытое имя Устрялова в российской истории XX столетия. Потребность в этом особенно остро ощущается в научной и общественной среде⁹.

В предлагаемой статье предпринята попытка осветить наиболее важные страницы политической биографии видного деятеля кадетской партии и ярко-представителя русской общественной мысли пореволюционной эпохи, основателя национал-большевистской идеологии и лидера сменовеховства, правоведа и публициста, государственника и патриота Николая Васильевича Устрялова. Значительная часть его жизни связана с начальными вехами истории советской страны. По мнению М. Агурского, он сыграл «выдающуюся роль в советской истории»¹⁰.

Н.В. Устрялов родился 8 декабря (25 ноября) 1890 г. в Санкт-Петербурге. Его прадед Герасим Устрялов, крепостной крестьянин, управлял имением князя Куракина на Орловщине, а дед Иван Устрялов служил военным чиновником в Калуге. Отец Василий Устрялов свою жизнь посвятил врачебному делу. После окончания Киевского университета он женился на Юлии Ерохиной. Семья Устряловых проживала в столице до 1900 г., затем переехала в Калугу, где прошли детские и юношеские годы Николая и его младшего брата Михаила. Вскоре их пути разошлись: Михаил пошел по стопам отца, выбрав профессию врача, а Николай поступил на юридический факультет Московского университета (1908 г.) и всю дальнейшую жизнь связал с общественной деятельностью и политической борьбой¹¹.

Межреволюционный период — время становления личностных и профессиональных качеств Устрялова. Под влиянием различных факторов (первая

русская революция и ее противоречивые результаты, лекции университетских профессоров, политические дискуссии на актуальные политические темы в прессе, балканский кризис, первая мировая война и участие в ней России и др.) происходит формирование идейно-политических взглядов юноши. Университетские преподаватели (в их среде были сильны кадетские настроения) стремились донести до студенческой аудитории важнейшие постулаты либерального конституционного мировоззрения, и начинающему юристу они вполне импонировали. Поэтому, когда настало время политического выбора (накануне Февральской революции), Николай связывает свою судьбу с конституционно-демократической партией¹², программные установки которой в наибольшей степени соответствовали его внутренним убеждениям.

Особый интерес студента Устрялова вызывала внешнеполитическая концепция кадетов, по сути имперская, направленная на укрепление Российского государства и расширение его международного влияния. В ее формировании большую роль сыграл один из ведущих идеологов кадетской партии, экономист, философ и публицист П.Б. Струве. В предвоенные годы он выступил с целой серией публикаций, в которых выдвинул идею «либеральной Российской империи» — Великой России¹³. Под ее воздействием Устрялов становится убежденным государственным, защитником принципа верховенства и особого предназначения государства в жизни любой нации и тем более русской.

После окончания в 1913 г. Московского университета Николай «был признан оставлен для приготовления к профессорскому званию по кафедре энциклопедии и истории философии и права»¹⁴. Он начинает активно сотрудничать с редакциями праволиберальных периодических изданий («Русская мысль», «Проблемы Великой России», «Утро России» и др.). В центре внимания начинающего публициста — проблемы государства и власти, национальных отношений и культуры, международной жизни и внешней политики России. В статьях он настойчиво доказывает необходимость для страны проведения великодержавной империалистической политики, отстаивает, по его собственному и весьма точному выражению, «идеологию великодержавного империализма»^{15,16}.

Особым расположением Устрялова пользовалось философско-историческое наследие ранних («старших») славянофилов. Его духовно-философские пристрастия формировались под влиянием московской религиозно-философской группы «Путь» (1910—1919 г.), в которую входили Н.А. Бердяев, Н.С. Булгаков, Е.Н. Трубецкой, П.А. Флоренский и другие известные русские мыслители¹⁷. Будущие вожди сменовеховства Н. Устрялов и Ю. Ключников представляли круг более молодых, «младших путейцев», являлись учениками лидера и идеолога этого течения Е.Н. Трубецкого, посещали его философские семинары, были активными членами религиозно-философского Общества памяти Соловьева, принимали участие в дискуссиях, которые проходили в кругу «путейцев»¹⁸.

В марте 1916 г. в религиозно-философском Обществе памяти Соловьева состоялось знаменательное публичное выступление Николая Устрялова, посвященное трактовке нации основоположниками славянофильства. Доклад вызвал широкие прения и дискуссии в среде «путейцев» и вскоре был опубликован в журнале «Русская мысль»¹⁹. В нем содержалось глубокое знание идейных воззрений славянофильских идеологов, заинтересованное отношение к этому направлению отечественной мысли. В докладе заметно влияние крупнейших представителей русского консерватизма середины и второй половины XIX в. Н.Я. Данилевского и К.Н. Леонтьева²⁰. Ссылки на научные авторитеты ему необходимы, считает М. Агурский, чтобы предложить «собственное толкование национального вопроса»²¹.

Идеология славянофилов и их последователей станет важнейшей составляющей мировоззрения Устрялова. Он войдет в национальное крыло кадетской партии, участники которого (П.И. Новгородцев и др.) наряду с либеральными ценностями настойчиво отстаивали идеи политического консерватизма. Славянофильская тема актуальна для Устрялова и в последующих его публикациях²². Политическую и публицистическую деятельность Николай Василье-

вич успешно сочетал с преподавательской работой: с 1916 г. в должности приват-доцента преподавал государственное право и историю русской политической мысли (до 1918 г.) в Московском университете.

Февральскую революцию он встретил с энтузиазмом. В апреле 1917 г. он пишет, что «революция превратилась в патриотический символ, национальный долг», она стала «прежде всего актом воли страны к победе»²³. Летом 1917 г. Н. Устрялов вместе с Ю. Ключниковым ездил по городам России, выступая с лекциями перед различной аудиторией, разъясняя и отстаивая лозунги защиты Отечества, укрепления государственной власти, единения всех слоев общества в интересах России и ее международного величия²⁴.

Но правящая кадетская партия после революции оказалась неспособной кардинально изменить положение в стране. Анализируя ее неэффективные действия в брошюре «Ответственность министров», Н.В. Устрялов впервые ставит под сомнение жизнеспособность основных положений кадетизма (об обязательном соблюдении принципов формальной демократии) в условиях российской действительности и начинает явно тяготеть к идее сильной власти²⁵.

Насильственный захват большевиками государственной власти вызвал у него неприятие. Уже тогда между ним и большинством русских мыслителей наметилось существенное расхождение в трактовке этих событий. Последние считали революцию 1917 г. антинациональной по характеру, порождением отрицательных и разрушительных сторон старого режима, следствием радикализма и «государственного отщепенства» русской интеллигенции, проявлением распада русской души и т.д.²⁶ Николай Васильевич, напротив, подчеркивал, что эта революция является «подлинно русской», а большевизм представляет собой «комплекс идей, пусть ошибочных, пусть ложных, пусть диких, но все же издавна присущих нашему национальному сознанию»²⁷.

Весной 1918 г. вместе со своими соратниками по кадетской партии Ю.В. Ключниковым и Ю.Н. Потехиным Н.В. Устрялов организовал выпуск общественно-политического и литературного еженедельника «Накануне». Издание становится весьма известным в интеллигентских кругах: в нем печатаются философ Н. Бердяев, историк А. Кизеветтер, экономист П. Струве, литератор В. Брюсов и другие представители русской культуры, общественной и научной мысли. На страницах еженедельника Устрялов-государственник отчетливо сформулировал главную проблему нации на ближайшую перспективу. «Какова бы ни оказалась организация государственной власти России в результате переживаемого сейчас хаоса, — писал он, — ясно одно: основную задачей этой власти будет задача воссоздания великого русского государства, потрясенного и расколотого войной и революцией»²⁸.

«Накануневский» эпизод в политической биографии Устрялова примечателен тем, что именно в это время начался отход его от концепции правового государства, являвшейся краеугольным камнем кадетизма. Кроме того, совместная работа Устрялова, Ключникова и Потехина по изданию журнала способствовала формированию группы единомышленников: через три года они станут авторами известного сборника «Смена вех» и основателями сменовеховства.

В мае 1918 г. в Москве состоялся нелегальный съезд кадетов, наметивший главные задачи партии в условиях обострения идейно-политического и военного противостояния: непримиримая борьба с большевизмом, возрождение единой России, верность союзникам. Предложения Устрялова изменить внешнеполитическую линию партии (сделать ее более гибкой, открытой не только для сотрудничества с Антантой) подверглись резкой критике со стороны основного докладчика на съезде М. Винавера²⁹.

В разгар красного террора, в сентябре 1918 г., он уезжает из Москвы в Пермь. Устраивается на преподавательскую работу в местный университет (в должности приват-доцента), в свободное время занимается изучением русской истории, анализирует текущие политические события, которые периодически изменяются в пользу то одной, то другой власти. Появление в ноябре 1918 г. диктатора России — адмирала Колчака вселяло уверенность в том, что именно такая власть нужна стране. Устрялов покидает Пермь и в феврале

1919 г. прибывает в Омск — колчаковскую столицу — с надеждой принять участие в утверждении твердой и сильной национальной власти в стране. Политика Колчака и Деникина казалась «единственно серьезной и государственно-многообещающей формой белого движения»³⁰.

В Омске он встретил своего давнего знакомого и единомышленника Ю.В. Ключникова, министра иностранных дел в колчаковском правительстве. Между ними состоялся судьбоносный разговор, о котором вспоминает Устрялов в своей книге «Под знаком революции». В ходе этого разговора Ключников впервые высказал роковую для обоих мысль: если большевики победят, значит именно они нужны России. «Во всяком случае, — заключил он, — мы должны быть с Россией... Что ж, встретимся с большевиками»³¹.

В колчаковском правительстве Н.В. Устрялов делает успешную карьеру. Сначала он юрисконсульт при управлении делами правительства, затем — директор пресс-бюро отдела печати. Издает газету «Русское дело», в которой стремится донести до населения те национально-государственные задачи, которые поставила перед собой колчаковская власть.

Достаточно быстро Устрялов выдвигается на первые роли в кадетской среде; уже через несколько месяцев после приезда в Сибирь он избирается председателем восточного отделения ЦК кадетской партии³². Утверждая, что переход от демократии к диктатуре исторически неизбежен и необходим, Устрялов выступает сторонником укрепления диктатуры Колчака³³. Позже в дневниковых записях харбинского периода он пишет, что в Омске Колчак для него был «русским Наполеоном», «последней ставкой воинствующего антибольшевизма», все должны были «сплотиться вокруг диктатора», «укреплять, а не расшатывать его власть». Но трагедия заключалась в том, что диктатор не сумел создать сплоченной и дееспособной команды, что привело к разгрому омого режима³⁴.

После поражения Колчака в январе 1920 г. Н.В. Устрялов эмигрировал в Китай. Обосновался в Харбине, где на харбинском Юридическом факультете в должности профессора возобновил преподавательскую деятельность. Совместно с писателем Г. Диким организовал выпуск альманаха «Русская жизнь» (1920—1924). Начал сотрудничать с редакциями ряда эмигрантских газет и журналов, издававшихся здесь и в других центрах русского зарубежья. В Харбине началось глобальное переосмысление и переоценка всего, что произошло с ним и с Россией за годы революции и гражданской войны. Становилось очевидным, что «белое дело» окончательно проиграно. Гражданская война серьезно подорвала русскую государственность. Интервенционистские силы использовали русскую смуту в своих геополитических интересах, стремились ослабить могущество России, объективно становились «агентами расчленения, распада страны». Собрание державы, делает вывод харбинский профессор, «идет из центра, из Москвы. Большевики оказались настоящими государственниками, сторонниками сильного государства. Поэтому необходимо прекратить вооруженную борьбу с большевистской Москвой и пойти на примирение с ней, потому что только она «способна восстановить русское великодержавие, международный престиж России»³⁵. Чтобы активный противник большевизма Н.В. Устрялов пошел на примирение с советской Россией, нужны были серьезные основания. Вероятно, они заключались в том, что некоторые положения, которыми руководствовались большевики, становились близки и Николаю Васильевичу (отрицание правового государства и формальной демократии; признание диктатуры, диктаторской власти в качестве необходимой и неизбежной формы правления в стране; положение о «мировом призвании» России, ее особой миссии; способ властвования, игнорирующий нравственные нормы и абсолютизирующий насилие). Устрялов был реалистом и считал, в частности, что политика не знает вечных истин, она формируется не из отвлеченного идеала, а из объективной ситуации. Нравственная политика, по его мнению, есть реальная политика³⁶. В другом месте заявлял: «Я вовсе не являюсь принципиальным противником насилия... Ни одно разумное государство не может от него отказаться»³⁷.

15 октября 1920 г. П.Б. Струве, занимавший в то время пост министра иностранных дел в правительстве Врангеля в Крыму, получил письмо от Н.В. Устрялова, в котором тот призывал своего недавнего соратника по антисоветскому движению прекратить вооруженную борьбу с большевиками, так как их государственная политика во многом совпадает с национальными интересами России. Стратегическая задача состоит в том, чтобы, с одной стороны, помогать большевистскому режиму восстанавливать государственную мощь страны, с другой — способствовать преодолению самого большевизма «эволюционно и изнутри». В этом заключалась суть идеологии Устрялова, которую он в том же письме назвал «национал-большевизмом» (использование большевизма в национальных интересах России)³⁸.

Осенью 1920 г. Н.В. Устрялов издал сборник статей под названием «В борьбе за Россию». В нем раскрывались основные положения новой идеологии. Русская революция, отмечает автор, национальна по своему характеру, ее корни уходят в славянофильство, чаадаевский пессимизм, герценовский революционный романтизм, якобинизм Ткачева, русский марксизм 90-х годов. Она «развивалась через типичнейший русский бунт «бессмысленный и беспощадный», но свое дело сделала и пора ее «остановить». Советская власть по сути осуществляет национальные задачи, стремится восстановить «единую и неделимую Россию, то есть делает то, что хотело, но не сумело осуществить белое движение. Большевистская власть, приходит к заключению Устрялов, «ныне как будто завершающая объединение России в ее великодержавных пределах, какова бы она ни была, заслуживает в этом своем деле решительной поддержки и сочувствия всех сознательных русских патриотов»³⁹.

Устрялов предлагает российской интеллигенции новую платформу, в основе которой — идея национального единства, сотрудничества «национально-патриотических элементов России» с большевистской властью во имя восстановления былого могущества родной страны. «Это отнюдь не означает, — пишет он, — безусловного приятия большевизма или полного примирения с ним. Должны измениться методы его преодоления. Его не удалось победить силой оружия в гражданской борьбе — он будет эволюционно изживать себя в атмосфере гражданского мира...»⁴⁰

Национал-большевистские идеи Устрялова получили дальнейшее развитие в сборнике статей «Смена вех», который вышел в Праге в июле 1921 г. Участники сборника профессора-эмигранты — Н.В. Устрялов, Ю.В. Ключников, Ю.Н. Потехин, А.В. Бобрищев-Пушкин, С.С. Лукьянов, С.С. Чахотин — обратились к русской интеллигенции с призывом «сменить вехи», — принять Октябрьскую революцию, отказаться от вооруженной борьбы с большевизмом, признать советскую власть, пойти на примирение и сотрудничество с ней во имя возрождения Отечества⁴¹.

Центральная идея сборника — обоснование того, что советская власть есть национальная власть, а большевики — единственная и реальная политическая сила, способная собрать русские земли, восстановить «единую, неделимую» Россию в прежних границах, воссоздать сильную, дееспособную государственную власть и обеспечить стране в будущем статус великой державы мира. Интернационализм, считали сменовеховцы, не есть проявление безродности большевиков, напротив, это сильное орудие в достижении национальных целей России⁴². Другая принципиальная идея сборника, изложенная в устряловской статье «Patriotica», — страна вступила на путь термидора, начался «спуск на тормозах» от великой утопии к трезвому учету обновленной действительности, советская власть «начинает принимать меры, необходимые для хозяйственного возрождения страны, не считаясь с тем, что эти меры — «буржуазной» природы...»⁴³ В пражском сборнике предлагалась программа действий, для той части русской интеллигенции, которая настроена была «сменить вехи»⁴⁴.

Устряловские идеи получили широкое распространение в советской России. Сменовеховцы открыто действовали не только в Москве и Петрограде, но и в Казани, Ростове, Орле, Краснодаре. «Примиренческие» настроения отчетливо проявлялись за Уралом — в Сибири, Забайкалье, Приморье⁴⁵. Во Влади-

востоке сторонники Устрялова уже в начале 1920 г. обратились к соотечественникам с призывом: «Довольно крови! Пора прекратить самоуничтожение России, ее величия и достоинства...»⁴⁶. Дальневосточные сменовеховцы выступили против всяких буферных государственных образований и требовали безусловной ликвидации Дальневосточной республики⁴⁷. Устряловская идеология оказалась близка интеллигенции, военным, старым специалистам, служащим, которые жили в стране, служили новой власти и нуждались в идеологическом обосновании своего выбора. О влиянии сменовеховства в стране свидетельствуют следующие факты: из 230 опрошенных в 1922 г. инженеров и совслужащих 110 считали себя сторонниками сменовеховских идей⁴⁸.

«Поворот» 1920 г., участие в пражском сборнике, широкое распространение сменовеховских идей — все это приводит к тому, что политик «второго круга» Н.В. Устрялов, попадает в число эмигрантских деятелей первостепенной величины. Он становится признанным лидером и ведущим идеологом сменовеховства. В своей среде харбинский профессор выделяется интеллектом и эрудицией, фундаментальной философской и теоретической подготовкой, блестящим логическим мышлением, умением аргументированно дискутировать и убеждать. И. Лежнев, главный редактор сменовеховского журнала «Россия», с восхищением писал об Устрялове: «В нашем общественном течении эмиграции это, несомненно, самая яркая фигура. Цельная и выдержанная до конца позиция (чем, сменовеховцы, увы, похвастаться не могут), блестящее и острое перо публициста, пафос государственника»⁴⁹.

Главную свою задачу Устрялов видит в дальнейшем политико-философском обосновании национал-большевистской доктрины. Этой теме он посвящает большое количество статей, которые публикуются в сменовеховской печати, а наиболее значительные из них вошли в авторский сборник «Под знаком революции». Устрялов по-прежнему уверен в том, что советская власть — русская, национальная власть. В действиях большевиков доминируют не доктринерские, а национальные, великодержавные устремления⁵⁰.

Сменовеховский идеолог продолжает отстаивать тезис о том, что советская Россия идет по пути термидора. Это проявляется прежде всего в новой экономической политике, проводимой большевиками. Нэповский курс способствует переводу страны на «новые хозяйственные рельсы» возрождению «созидательной буржуазии» в городе и «крепкого мужичка» в деревне. От коммунистической идеологии осталась одна лишь терминология. Эволюция большевизма, по мнению Устрялова, будет развиваться и углубляться, но «под знаком революционной, советской власти»⁵¹. Интеллигенция должна, дает принципиальную установку сменовеховский идеолог, отказаться от самостоятельной политической роли и добровольно начать «активно и честно работать в деле восстановления России под знаком наличной власти»⁵².

Политическая элита русской эмиграции в большинстве своем выступила с резкой критикой и осуждением «предательской» позиции Устрялова. Его оппонентами были ведущие политические деятели русского зарубежья^{53, 54}.

Таким образом, попав на «политический олимп» русской эмиграции в роли лидера сменовеховства, Устрялов оказался «изгоем», «чужим» среди «своих». «Я, ... — писал он в 1934 г., вспоминая последствия своего знаменитого «поворота» 1920 г., — сразу же, целиком оторвался от своей среды, испугал ее, остро против себя восстановил и оказался одиноким, изолированным...»⁵⁵

За ним пристально наблюдали и в советских политических кругах. В разгар кронштадтских событий большевистская газета «Правда» опубликовала передовицу под названием «Патриотика», в которой положительно оценивался выход устряловского сборника «В борьбе за Россию»⁵⁶. Одобрительными откликами был встречен пражский сборник «Смена вех». Госиздат его дважды (в Твери и Смоленске) издавал 10-тысячным тиражом. Л. Троцкий рекомендовал пропагандировать материалы сборника среди военных⁵⁷. Устрялов, вероятно, боясь оказаться в «друзьях» у большевиков, подчеркивает, что он и его сторонники отнюдь не являются «без пяти минут коммунистами». «Мы с вами, — заявляет лидер сменовеховства, — но не ваши... Мы признаем красное знамя

только потому, что оно расцветает национальными цветами»⁵⁸. В марте 1922 г. Устрялов и его идеология оказались в центре внимания делегатов XI партсъезда. Ленин назвал сменовеховство «идеологией буржуазного перерождения»⁵⁹. Вскоре состоялась XII партконференция (август 1922 г.), на которой сменовеховство оценивалось двойственно: с одной стороны, подчеркивалась его «объективно-прогрессивная роль» (за примиренческую политику) с другой — отмечалось, что его сторонники заодно с меньшевиками, эсерами и другими противниками советской власти, потому что выступают за реставрацию буржуазных порядков⁶⁰. После конференции нападки на Устрялова и сменовеховство заметно усилились⁶¹.

Устряловские аналитические статьи (о социально-экономических и политических процессах в нэповской России) серьезно влияют на внутривнутрипартийную борьбу, которая развернулась в последующие годы. Его имя не сходит с уст Л. Троцкого, Г. Зиновьева, Н. Бухарина, И. Сталина и других партийных функционеров, часто повторяется на партийных съездах⁶². Г. Зиновьев, Л. Каменев, а затем участники «объединенной оппозиции», не без влияния Устрялова (который открыто хвалил Сталина за борьбу с оппозицией внутри партии), выдвигали против генсека прямые и косвенные обвинения в проведении им термидорианской политики⁶³. Об исключительном влиянии Устрялова на внутривнутрипартийную жизнь 20-х годов писал партийный функционер среднего уровня А. Зайцев: «Переберите все жгучие актуальные вопросы полемики, по которым в 1925 г. и позднее велись споры, и вы увидите всюду и везде призыв Устрялова⁶⁴. Стремление Устрялова соединить патриотические и национальные начала с большевизмом, придать ему национальный цвет не могло не заинтересовать создателей общественной системы. М. Агурский, например, убежден в бесспорном влиянии устряловского национал-большевизма на Сталина и его внутреннюю политику⁶⁵.

Вся общественная и публицистическая деятельность В. Устрялова в эмиграции пронизана любовью к родине. Он стремился рассказать за границе о «пробуждающейся России». Харбинский профессор с нескрываемой радостью комментировал реальные шаги «красной» дипломатии по налаживанию нормальных отношений между Россией и другими странами⁶⁶. В 1924 г. Устрялов стал служащим Китайско-Восточной железной дороги, принадлежащей СССР. Через год возглавил учебный отдел КВЖД, а с 1928 г. до конца эмиграции был директором Центральной библиотеки КВЖД.

В августе 1925 г. состоялась его поездка в Россию. На родине пробыл полтора месяца, главным образом, в Москве. Во время путешествия вел дневниковые записи, опубликованные под названием «Россия (У окна вагона)». В них идеолог сменовеховства очень эмоционально и в основном позитивно анализирует и оценивает то, что услышал и увидел на родине⁶⁷. «Страну охватывает дух восстановления, ренессанса, — отмечал автор, — страна работает. Страна преисполнена глубокого и серьезного патриотизма... Это основное впечатление»⁶⁸.

Во время поездки Устрялов признал, что основная масса его сторонников в России перешла на советскую платформу. Еще раньше о прекращении своей деятельности заявили сменовеховцы белоэмигрантской Европы⁶⁹. Сменовеховство продолжало оставаться заметным явлением общественно-политической жизни русской эмиграции благодаря активности его дальневосточного (харбинского) центра. Устрялов продолжает внимательно следить за событиями, происходящими в советской стране. В 1930 г. вышла из печати его брошюра «На новом этапе». Достаточно объективно анализируя советскую действительность конца 20-х годов, автор приходит к выводу, что в стране в результате сталинской «революции сверху» победила политика контрэнпа: началась ускоренная индустриализация и сплошная коллективизация с огромными жертвами, в политической сфере утверждалась железная рука диктатуры. И Устрялов фактически оправдывает проводимый Сталиным курс. Отечественной интеллигенции «на новом этапе» дается установка: заставить себя «активно и за совесть служить» советскому государству⁷⁰.

Газета «Дни» (издавалась А.Ф. Керенским) усмотрела в устряловских формулировках «конец сменовеховству»: если раньше была «пассивная лояльность» советской власти, то теперь — «нерассуждающая верность» ей. Слушала интеллигенция, утверждалось в газете, призывается Устряловым к слепой молчаливой преданности советскому кнуту. «Исчезает всякое различие между сменовеховством, как каким-то намеком или попыткой самостоятельного подхода к советской жизни, и бездейным, механическим исполнением приказа начальства»⁷¹.

«Лояльность государству» в ближайшем будущем для Устрялова будет означать «лояльность правительству». Он ее демонстрирует на страницах авторского сборника «Наше время» (1934 г.), в котором анализируются успехи сталинской внутренней политики. Страна стала индустриальной. Промышленность на 99% государственная. Коллективизация сельского хозяйства «в основном удалась». Вопрос «кто — кого» решен окончательно «в пользу советского социализма», «генеральная политическая линия правящей партии привела к победе»⁷².

В эмигрантский период тематика его работ весьма разнообразна. Он с одинаковой увлеченностью писал о политическом идеале Платона, идейном наследии славянофилов, этике Шопенгауэра, сущности Прогресса⁷³. Фундаментальные знания в гуманитарной области, философский склад ума, широкий культурный кругозор, умение находить и выстраивать исторические аналогии, способность за цепью событий увидеть явления — таковы характерные черты, присущие Устрялову-ученому. Его публикации вызывали неизменный интерес как сторонников, так и недругов.

Николай Васильевич был знатоком русской и мировой истории. События разных исторических эпох часто упоминаются в его публикациях. Он стремится обосновать свои теоретические построения и выводы беспристрастным анализом событий, уже принадлежавших истории, но значимых для понимания современных общественных процессов, и делал это на профессиональном уровне. Так, анализируя и сравнивая петровское время и форсированное строительство социализма начала 30-х годов, харбинский профессор говорит о «сходстве стилей и масштабов» двух исторических эпох — петровской и сталинской, подчеркивает характерную особенность исторического развития России: «Поразительна русская судьба! Мы догоняли и догоняем «Европу» 300 лет, но не иначе как прищипываемые государственной властью, не иным образом, как под градом шпицрутенов, расстрелов, ссылок и проч. Воистину, прежде всего азиатская страна, тщающаяся стать европейской! Трудно и тяжело сейчас нам здесь, но и в то же время все-таки отраднo наблюдать, как азиатский деспотизм может руководить европеизацией азиатской страны!»⁷⁴. Исследуя проблему термидорианского перерождения русской революции, Устрялов обращается к истории Французской революции⁷⁵.

Предметом особого внимания харбинского профессора права была тема государства, его природы и сущности, роли и значения для народов и наций. По его мнению, для государства, состоящего из важнейших элементов — власти, населения и территории, последний элемент является наиглавнейшим^{76 77}.

В эмиграционный период его продолжает волновать проблема соотношения национального и интернационального. Международные связи с каждым десятилетием «становятся все теснее, взаимосвязь государств — все неразрывнее». Государственные границы «перестают быть непроницаемыми». Но «превращение мира в одно национальное целое, — замечает Устрялов, — еще далеко не убивает ни национальных культур, ни национальных особенностей»⁷⁸.

Н.В. Устрялов — противник идеи всеобщности и однолинейности в истории. Ему импонирует модель мира, основанная на его культурно-национальном многообразии и многовариантности развития. Интернационализация жизни, пишет он, не исключает стремления нации к собственному национальному самопознанию⁷⁹.

В далеком Харбине Устрялов, порывая со своим кадетским прошлым, становится последовательным противником современной формальной демок-

ратии. Эта форма власти, считает он, «повсюду переживает сумерки, едва не превращаясь в собственную противоположность»⁸⁰. Особенно жесткой критике основные принципы демократии подвергаются им в статье «Спорная аксиома», опубликованной в газете «Новости жизни» в 1924 г.⁸¹

На рубеже 20—30-х годов в мире отчетливо определилась новая модель общественного развития — тоталитаризм. В западной политологии в числе первых исследователей этой проблемы был Н.В. Устрялов. В год прихода к власти Гитлера он издает книгу «Германский национал-социализм»⁸². Через год в сборнике «Наше время» публикует статью «Пути синтеза (очерки философии эпохи)», в которой на примере событий в России, Италии и Германии анализирует и обобщает процессы, отражавшие возникновение тоталитарной общественной системы⁸³.

Эмигрантский период был наиболее плодотворным. В эмиграции Устрялов стал одним из видных политиков, стремившихся играть самостоятельную политическую роль в эмиграции, крупным идеологом (основателем национал-большевизма, идейным лидером сменовеховства), первоклассным публицистом, имевшим свой особый стиль и язык в публицистике, известным ученым, мыслителем, стоявшим у истоков новых научных направлений — политической науки, культурологии, геополитики, социологии.

В мае 1935 г., после продажи КВЖД Японии, Н.В. Устрялов вернулся в Советский Союз. С этого времени начался отсчет последнего периода его жизни. Он вновь открывает для себя Москву — «пролетарскую», «социалистическую»; встречается с М. Горьким, Н. Бухариным, другими известными советскими деятелями той эпохи. Неоднократно бывает и в родной Калуге, где переживает симфонию «сильных впечатлений», целую «радугу переживаний». Совершает поездки в Ленинград и на Кавказ. В должности профессора читает курс экономической географии в Московском институте инженеров транспорта⁸⁴. Старается понять и принять советскую действительность⁸⁵. В статье «Самопознание социализма», опубликованной в «Известиях» в декабре 1936 г., Устрялов открыто демонстрирует свою лояльность советскому режиму⁸⁶.

Бывший сменовеховский лидер испытывает чувство неудовлетворенности от невостребованности на родине. Вместе с тем он мало надеется на то, что будет когда-нибудь «призван» страной. Осознает, что власть выражает ему «политическое недоверие». Но ко всему этому он был готов. Еще перед отъездом из Харбина говорил, что «если для блага родины потребуется моя «жертва», понадобятся и мои «кости» — роптать не стану никогда. Но, конечно, грустно. Грустно, что служить родине приходится не разумом, не знаниями и опытом, а костями»⁸⁷. 6 июня 1937 г. Устрялова арестовали, обвинив в «шпионаже, контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации». 14 сентября того же года Военной коллегией Верховного суда СССР его приговорили к расстрелу, который в тот же день был приведен в исполнение. Через 52 года сфабрикованное «дело» было по заявлению Е.И. Устряловой (жены сына Устрялова — Сергея) пересмотрено. 14 октября 1989 г. Военной коллегией Верховного суда СССР Н.В. Устрялов реабилитирован⁸⁸.

¹ Трифонов И.Я. Очерки истории классовой борьбы в СССР в годы нэпа. М., 1960; Федюкин С.А. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу. М., 1977; Мухачев Ю.В. Идеино-политическое банкротство планов буржуазного реставраторства в СССР. М., 1982 и др.

² Большая советская энциклопедия. 3-е изд. М., 1977. Т.27. С.133; Советская историческая энциклопедия. М., 1973. Т.14. С.896—897; Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.45. С.657.

³ Агурский М. Идеология национал-большевизма. Paris: YMCA-Press, 1980.

⁴ Квакин А.В. Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа. 1921—1927 гг. Саратов, 1991; Цакунов С.В. Нэп: Эволюция режима и рождение национал-большевизма // Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. М., 1997. Т.1. С.57—119; Кондратьева Т. Большевики-якобинцы и призрак термидора. М., 1993; Краус Т. Советский термидор: Духовные предпосылки сталинского поворота. 1917—1928. Будапешт, 1997.

- ⁵ Быстрянцева Л.А. Н.В. Устрялов // КЛИО. 1998. №3(6). С.224—234; Романовский В.К. Идеолог сменовеховства Н.В. Устрялов // Исторические личности России: Материалы одиннадцатой Всероссийской заочной научной конференции. Санкт-Петербург, 1998. С.206—208.
- ⁶ Устрялов Н.В. Белый Омск: Дневник колчаковца // Русское прошлое: Ист. док. альманах. СПб., 1991. Кн.2. С.283—338; Он же: 1919 год: Из прошлого // Русское прошлое. СПб. 1993. Кн.4. С.194—287; Служить родине приходится костями... Дневник Н.В. Устрялова 1935—1937 гг. // Источник. 1998. № 5—6. С.3—100; Быстрянцева Л.А. Устремленный к истине: (Протокол допроса Н.В. Устрялова) // КЛИО. 1999. № 1(7). С.246—256; Политическая эмиграция — не наш путь: Письма Н.В. Устрялова Г.Н. Дикому. 1930—1935 гг. // Ист. архив. 1999. № 1. С.200—211; № 2. С.92—126; № 3. С.107—166.
- ⁷ Устрялов Н.В. Проблема прогресса. М., 1998.; он же: Итальянский фашизм. М., 1999.; Он же: Германский национал-социализм. М., 1999.
- ⁸ Смена вех: Сб. статей. Прага, 1921; Литературное обозрение. 1991. № 7. С.63—112; Смена вех // В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. С.208—371.
- ⁹ Соловьев А. Не пора ли России вспомнить Устрялова? // Книжное обозрение. 1999. № 15. 13 апр.
- ¹⁰ Агурский М. Идеология национал-большевизма. С.2.
- ¹¹ Шапошников А.Е. Устряловы и Разумовские в Калуге // Калуга в шести веках. Калуга, 1997. С.178—181; Источник. 1998. № 5—6. С.26, 61.
- ¹² Советская историческая энциклопедия. Т.14. С.896.
- ¹³ Струве П.Б. Patriotica. Политика, культура, религия, социализм. М., 1997. С.50—70, 80—88, 115—116, 156—164.
- ¹⁴ Исторический архив. 1999. № 1. С.200.
- ¹⁵ Устрялов Н.В. Логика национализма // Новости жизни. 1920. 22 авг.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ Голлербах Е. К незримому граду: Религ.-филос. Группа «Путь» (1910—1919 гг.) в поисках новой русской идентичности. Санкт-Петербург, 2000. С.24—147.
- ¹⁸ Голлербах. К незримому граду. С.155—159, 405—411.
- ¹⁹ Устрялов Н.В. Национальная проблема у первых славянофилов // Русская мысль. Санкт-Петербург, 1916. № 10. С.1—22.
- ²⁰ Там же. С.9—10.
- ²¹ Агурский М. Идеология национал-большевизма.
- ²² Устрялов Н.В. Политическая доктрина славянофильства. Харбин, 1925.
- ²³ Устрялов Н.В. Революция и война. М., 1917. С.7—8.
- ²⁴ Ключников Ю. По России // Народопрямство. 1917. № 6. С.14—16.
- ²⁵ Устрялов Н.В. Ответственность министров. М., 1917.
- ²⁶ Аскольдов С.А., Бердяев Н.А., Булгаков С.А. и др. Из глубины: Сб. статей о русской революции. М., 1990. С.36—52, 55, 235—237, 247—248.
- ²⁷ Устрялов Н.В. Рождественская ночь // Утро России. 1917. 24 дек.
- ²⁸ Устрялов Н.В. Судьба Петербурга // Накануне. 1918. № 1. С.6.
- ²⁹ Кроль Л.А. За три года. Владивосток, 1922. С.46.
- ³⁰ Устрялов Н.В. Под знаком революции. Изд. 2. Харбин, 1927. С.28.
- ³¹ Там же. С.64.
- ³² Иоффе Г.З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1997. С.77; Агурский М. Идеология национал-большевизма. С.67; Русское зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в. Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С.643.
- ³³ Гинс Г.К. Сибирь, союзники и Колчак. Харбин-Пекин, 1921. Кн.1—2. С.336—337; Агурский М. Идеология национал-большевизма. С.67—68; Устрялов Н.В. 1919 год: Из прошлого // Русское прошлое. С.238, 243—245, 274.
- ³⁴ Устрялов Н.В. 1919 год // Русское прошлое. С.244—245.
- ³⁵ Устрялов Н.В. Логика национализма // Новости жизни. 1920. 22 авг.
- ³⁶ Устрялов Н.В. В борьбе за Россию: Сб. статей. Харбин, 1920. С.19, 57.
- ³⁷ Устрялов Н.В. На новом этапе. Шанхай, 1930. С.31.
- ³⁸ ГАРФ. Ф.5912. Оп.1. Д.143. Л.237—239.
- ³⁹ Устрялов Н.В. В борьбе за Россию. С.21, 33, 36, 47, 55, 69.
- ⁴⁰ Там же. С.62—63.
- ⁴¹ Смена вех: Сб. Прага, 1921. С.33, 80—86, 146—147.
- ⁴² Там же. С.47—54, 74—77, 86—87, 123—126, 133—139, 145—147.
- ⁴³ Там же. С.55—57.
- ⁴⁴ Там же. С.55—61.
- ⁴⁵ Агурский М. Идеология национал-большевизма. С.104; Черняк Э.И. Сменовеховство в Сибири // Материалы межвузовской конференции, посвященной 50-летию образования СССР. Томск, 1972. С.121—123; Парафенов П.С. Борьба за Дальний Восток. М., 1928. С.77; РГИА ДВ. Ф.2422. Оп.1. Д.717. Л.50, 52, 70.
- ⁴⁶ Голос Родины. 1920. 21 янв.

- ⁴⁷ Там же. 1922. 7 нояб.
- ⁴⁸ Правда. 1922. 3 сент.
- ⁴⁹ Цит. по: Кондратьева Т. Большевики-якобинцы и призрак термидора. М., 1993. С.71.
- ⁵⁰ Устрялов Н.В. Под знаком революции. С.47—53, 117, 139—146.
- ⁵¹ Там же. С.9—11, 41—46, 51—54, 168—172, 209—211.
- ⁵² Там же. С.91—98.
- ⁵³ Струве П.В. Историко-политические заметки о современности //Русская мысль. 1921. № 5—6. С.215—222.
- ⁵⁴ Последние новости. 1922. 16, 22 апр., 21 июля; 1923. 23 мая.
- ⁵⁵ Устрялов Н.В. Наше время. Шанхай, 1934. С.17.
- ⁵⁶ Правда. 1921. 15 марта.
- ⁵⁷ Там же. 14, 27 окт. Известия. 1921. 13 окт.
- ⁵⁸ Устрялов Н.В. Под знаком революции. С.49, 70.
- ⁵⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.45. С.94—95.
- ⁶⁰ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 8. М., 1970. Т.1. М.671.
- ⁶¹ Интеллигенция и революция: Сб. статей. М., 1922; Бубнов А. Буржуазное реставраторство на втором году нэпа. Пг., 1923; На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией: Сб. статей. М., 1923 и др.
- ⁶² Двенадцатый съезд РКП(б): Стеногр. Отчет. М., 1923. С.53, 287—288, 608, 614; Четырнадцатый съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Изд. М., 1926. С.51, 52, 142, 238, 278, 441, 456, 499; Сталин И.В. Собр. соч. Т.5. С.238—239. Т.7. С.342; Кондратьева Т. Большевики-якобинцы... С.115—127.
- ⁶³ Устрялов Н.В. Кризис ВКП //Под знаком революции. С.232—236; Кондратьева Т. Большевики-якобинцы... С.115.
- ⁶⁴ Зайцев А. Об Устрялове, неонэпе и жертвах устряловщины. М., 1928. С.34—38.
- ⁶⁵ Агурский М. Идеология национал-большевизма... С.186—187, 206, 207, 260, 261.
- ⁶⁶ Русская жизнь: Альманах. Харбин. 1922. № 1, С.4.
- ⁶⁷ Устрялов Н.В. Россия. (У окна вагона). Харбин, 1926. С.13, 16, 19—23, 32, 36, 41, 52.
- ⁶⁸ Устрялов Н.В. Там же. С.53.
- ⁶⁹ Устрялов Н.В. Там же. С.32. Накануне. 1924. 15 июня.
- ⁷⁰ Устрялов Н.В. На новом этапе. С.14, 19, 22—29.
- ⁷¹ Цит. по: Устрялов Н.В. С того берега //Герольд Харбина. 1930. 14—15 июня.
- ⁷² Устрялов Н.В. Наше время. Шанхай, 1934. С.9.
- ⁷³ Устрялов Н.В. О политическом идеале Платона. Харбин, 1929; Он же: Политическая доктрина славянофильства: Идея самодержавия в славянофильской постановке. Харбин, 1925.; Он же: Этика Шопенгауэра. Харбин, 1927; Он же. Проблема прогресса. Харбин, 1931.
- ⁷⁴ Устрялов Н.В. На новом этапе. С.18.
- ⁷⁵ Устрялов Н.В. Patriótica //Новости жизни. 1920. 17 июня.
- ⁷⁶ Устрялов Н.В. Логика национализма //Новости жизни. 1920. 22 авг.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Устрялов Н.В. Под знаком революции. С.145—148.
- ⁷⁹ Там же. С.148.
- ⁸⁰ Устрялов Н.В. Россия: (У окна вагона). С.18.
- ⁸¹ Устрялов Н.В. Спорная аксиома //Новости жизни. 1924. 29 янв.
- ⁸² Устрялов Н.В. Германский национал-социализм. Харбин, 1933.
- ⁸³ Устрялов Н.В. Пути синтеза //Наше время. Шанхай, 1934. С.61—116.
- ⁸⁴ Источник. 1998. № 45—6. С.6, 11, 15, 23—25, 40—42, 83.
- ⁸⁵ Там же. С.19.
- ⁸⁶ Устрялов Н.В. Самопознание социализма //Известия. 1936. 18 дек.
- ⁸⁷ Источник. 1998. № 5—6. С.68.
- ⁸⁸ КЛИО. 1999. № 1(7). С.340.

SUMMARY:»Leader of «Smena Vekh» Movement» — so Candidate of Historical Sciences V. Romanovsky called his article about politician and thinker of the post revolutionary epoch — Nikolay Vasilievich Ustryalov. In the Russian historiography the name of N. Ustryalov ranks not high, the interest to him, to his scientific and publicistic heritage in our country was displayed only during the last decade.

V. Romanovsky elucidates the most important pages of political biography of lawyer and publicist, «gosudarstvennik», the founder of national-Bolshevik ideology («smenavekhovstvo») — N. Ustryalov.